

УЧЕНИЕ ФРАНЦА БРЕНТАНО О СОЗНАНИИ

Разделение феноменов на физические и психические

Различные исторически сложившиеся гносеологические позиции, ориентируются ли они только на фактически данное чувственного опыта или же устанавливают априорное основание с целью получить всеобщее и необходимое знание об исследуемом предмете, ставят перед собой задачу прояснить условия возможности познания как такового, то есть пытаются ответить на вопрос: как возможно познание сущего?

Свой проект решения такой задачи предлагает Франц Brentano в трактате под названием «Психология с эмпирической точки зрения» (1874). Определяя психологию как науку о психических феноменах, Brentano не только очерчивает область психического или «внутреннего» опыта, в котором психические феномены, составляющие этот опыт, могут быть познаны с очевидностью, но тем самым отделяет психологию от всех других опытных наук, как наук о физических феноменах, возможность очевидного знания которых он ставит под сомнение. Психология же, которая претендует на открытие естественных законов мышления благодаря тому, что ее предметом исследования является сознание и его деятельность, может служить, по мнению Brentano, основанием для всех наук, в том числе и философии.

Brentano начинает с того, что весь мир явлений делит на класс физических феноменов и на класс психических феноменов. Само понятие «чистого феномена» Brentano определяет как «предмет наших чувств», данный посредством ощущений и вне ощущений не существующий, однако указывающий на соответствующую ему причину, о которой, правда, нельзя сказать ничего определённого. Сферу возможного опыта Brentano ограничивает имманентными данностями и предметами, познаваемые в таком опыте, рассматривает чисто дескриптивно, отказываясь, таким образом, решать метафизический вопрос о существовании трансцендентных реальностей.

Всякий психический феномен содержит в себе нечто в качестве объекта, но содержит его различным способом. Причем из всех этих многочисленных способов переживания чего-либо в качестве объекта Brentano выделяет основополагающий способ, осознающий все явления, которые можно назвать психическими феноменами, а именно способ представления. Представление, а также все другие возможные способы интенционального отношения к предмету Brentano называет внутренним восприятием, под которым следует понимать рефлексию. Относительно понятия «внутреннего восприятия» Brentano особо подчеркивает то, что среди всех способов познания предметов, данных в опыте,

только внутреннему восприятию присуще такое свойство, как непосредственная, несомненная, абсолютно точная очевидность.

Психическим феноменам, которые являются предметами исключительно внутреннего восприятия, а значит, воспринимаются с непосредственной очевидностью, помимо интенционального существования также присуще действительное, то есть не только предположительное существование. Тогда как для физических феноменов возможно только внешнее или чувственное восприятие, следовательно, они существуют феноменально и интенционально как являющиеся и полагаемые предметы. Физические феномены как явления внешних чувств, а именно зрения и осязания, имеют протяженность и местоположающую определенность. В отличие от физических феноменов психические феномены не обладают таким свойством. Наконец, Brentano отмечает то, что многообразие психических феноменов, которые могут существовать одновременно, с непосредственной очевидностью воспринимается в качестве единства, то есть все психические феномены принадлежат сознанию как непрерывному потоку переживаний, в котором нет места для физических феноменов.

Структура психического акта

Интенциональный характер, присущий каждому психическому феномену, указывает на наличие некоего отношения, заключенного в самом психическом феномене. Такое интенциональное отношение, позволяет рассматривать психический феномен как психический акт.

Первоначальными элементами психического акта Brentano называет ощущения или впечатления, которые возникают вследствие физических воздействий на органы чувств и служат материалом для дальнейшего построения более сложных психических феноменов. В структуре простейшего психического акта так называемого внешнего или чувственного восприятия ощущения выступают в виде комплекса ощущений и представляют собой имманентную составную часть или чувственное содержание конкретного акта, например, акта слышания тона как звука определенной высоты. Наряду с ощущением в структуре акта имеется явление ощущаемого предмета, которое возникает в результате переживания ощущения и таким образом становится предметом психического акта.

Комплекс ощущений, как чувственное содержание акта, переживается, то есть предметно интерпретируется. Иначе говоря, на основе комплекса ощущений конституируется имманентный предмет психического акта особым способом, например, представляется. Таким образом, при восприятии какого-либо внешнего предмета в акте чувственного восприятия комплекс ощущений преобразуется в явление или переживание воспринятого предмета. В этом переживании полагается интенциональ-

ный объект или имманентный предмет акта чувственного восприятия, а именно представление воспринятого предмета как физического феномена. Здесь следует различать явление воспринятого предмета и сам воспринятый (или являющийся) предмет хотя бы потому, что именно между ними устанавливается интенциональное отношение психического акта.

Структуру психического акта Brentano предлагает рассматривать как отношение между первичным (внешним) объектом и вторичным (внутренним) объектом. Так в акте чувственного восприятия, например, в акте слышания тона (*я слышу тон*) первичным объектом будет тон, как имманентный предмет акта, как физический феномен, а слышание тона, как комплекс ощущений или чувственное содержание акта, будет вторичным объектом. Причем именно слышание тона (вторичный объект) будет указывать на тон (первичный объект), а значит, будет конституировать его в качестве интенционального объекта.

Имманентный предмет, полученный в результате переживания в акте чувственного восприятия, будет существовать только феноменально и интенционально, а именно как являющийся и полагаемый физический феномен. Поэтому акт внешнего или чувственного восприятия, по мнению Brentano, не будет представлять несомненного и точного знания о своем предмете, то есть, физический феномен никогда не воспринимается с очевидностью. Однако на акте внешнего или чувственного восприятия процесс познания не останавливается, а продолжается в психическом акте другого рода и приходит к непосредственному очевидному знанию того, что познается.

Всякий психический акт осознается. Более того, сознание о психическом акте может быть дано в самом психическом акте, а именно в акте внутреннего восприятия или рефлексии. Акт внутреннего восприятия представляет собой восприятие самих психических феноменов и тем самым открывает имманентную сферу психического опыта, которую Brentano называет «внутренним сознанием». В акте внутреннего восприятия или рефлексии, например, *я осознаю, что я слышу тон*, слышание тона или представление тона в отличие от акта внешнего восприятия занимает уже место первичного объекта, а в качестве вторичного объекта психического акта выступает «само слышание», то есть субъект, слушающий тон, или представление слышания тона. Представление слышания тона можно понимать и как представление представления тона. Представление тона и представление представления тона даны в одном и том же акте как две стороны интенционального отношения и связаны между собой особым образом. В этой внутренней связи обнаруживается имманентное единство психического акта и сопровождающего его представления, то есть такое имманентное единство осознается как единство идентификации.

В акте внутреннего восприятия психический феномен выступает в качестве содержания, которое переживается или осознается аналогичным образом, как переживается чувственное содержание или комплекс ощущений в акте внешнего восприятия, а в результате такого переживания конституируется имманентный предмет акта внутреннего восприятия.

Возможность идентификации, которая схватывается или осознается в совпадении содержания и предмета психического акта, позволяет говорить о том, что в акте внутреннего восприятия осуществляется непосредственное и очевидное познание. Тем самым имманентному предмету психического акта придается статус «действительно существующего предмета», а это означает, что имманентный предмет акта не только представляется, но и с очевидностью познается.

Познание, сопровождающее психический акт и конституирующее идентификацию содержания и предмета этого акта, осуществляется в самом сопровождаемом акте вслед за представлением и благодаря ему, ведь для того, чтобы что-либо познать, нужно это сначала представить. В одном и том же акте психический феномен выступает не только в качестве представленного, но и в качестве познанного, то есть признается наличие психического феномена, представленного во внутреннем сознании. Достоверность такого непосредственного познания несомненна, ибо это познание приобретает с помощью интуиции.

Наряду с представлением и познанием имманентного предмета в акте внутреннего восприятия может схватываться или осознаваться и эмоциональное отношение к тому же самому предмету, а именно переживание всякого рода удовольствия или неудовольствия, оценки, волевых устремлений и так далее. Таким образом, в одном и том же акте внутреннего восприятия осуществляется весь спектр возможных способов интенционального отношения к предмету, переживаемому в психическом акте. Различные способы интенционального отношения к предмету характеризуют различные модусы переживания одного и того же предмета, которые в психическом акте могут осуществляться одновременно.

Итак, в структуре психического акта легко просматриваются все существенные признаки, характеризующие как психические, так и физические феномены. Здесь важно принимать во внимание то, что внешнее восприятие и внутреннее восприятие не являются отдельными психическими актами, а составляют один единый психический акт или психический феномен. Здесь неуместно говорить о дополнении или расширении внешнего восприятия посредством внутреннего восприятия. Также противосмысленным является понимание того, что имманентный предмет внешнего восприятия уточняется или подтверждается в акте внутреннего восприятия. Просто каждый психический акт сопровождается внутренним восприятием, поскольку все психические феномены являются действительными предметами «внутреннего сознания». Само

сознание может переживаться или схватываться только в своем единстве, только как единое сознание. Таким образом, когда сознание выступает в качестве предмета интенции, оно конституируется как единое сознание.

Сознание как единый поток интенциональных переживаний

Сознание представляет собой совокупность психических феноменов, среди которых нет ни одного психического феномена без относящегося к нему сознания, а это значит, что не бывает беспредметного сознания и нет никаких бессознательных представлений в сфере психического опыта. Деятельность сознания проявляется в многообразии модусов (или способов) переживаний содержания психического акта. Это многообразие модусов выражается в неоднократном осознании одного и того же предмета психического акта. Более того, это неоднократное осознание имманентного предмета происходит в психическом акте одновременно. Лишь когда схватывается одновременное пребывание этих многообразных способов переживаний одного и того же предмета в психическом акте, тогда-то и обнаруживается единство сознания. Иначе говоря, когда интенция сознания направляется на саму эту одновременность переживаний, представленных в психическом акте, она констатирует в качестве своего предмета единство сознания.

Конечно, в психическом акте не всегда присутствуют все возможные способы переживаний, однако представление, как основополагающий способ интенционального отношения к предмету, должно быть с неизбежностью, ибо сознание «действительного предмета», интенционально в нем существующего, начинается именно с его представления. Представление предмета с необходимостью не влечет за собой познание, а также, возможно, и желание этого же самого предмета, а всего лишь только допускает такую возможность, ибо служит основанием как для познания, так и для желания, а также для всех других способов интенциональных переживаний. Сама же возможность последующих за представлением других способов переживаний, как, например, познания, сомнения, желания, воления, оценки и так далее, конституирует открытый горизонт единого сознания или бесчисленных многообразных способов переживаний одного и того же имманентного предмета, выступающих в виде непрерывного потока переживаний.

Видение, слышание и другие акты ощущения или внешнего восприятия, в которых комплекс ощущений или чувственное содержание преобразуется в имманентный предмет психического акта, тоже могут переживаться одновременно. Хотя акты ощущения также относятся к единому сознанию в качестве частичных феноменов, однако, они не могут конституировать единство сознания, подобно представлению, познанию, желанию и другим возможным способам потенциальных пережи-

ваний в акте внутреннего восприятия, так как не могут продемонстрировать то особое отношение, которое имеется между представлением и познанием, представлением и желанием, познанием и желанием и так далее. Скорее всего, одновременное переживание видения и слышания следует понимать не более как чувственное содержание психического акта, составленное из ощущений различных органов чувств, одновременно испытывающих физическое воздействие. Такой составной комплекс ощущений схватывается в акте внешнего восприятия, а затем уже в виде имманентного предмета сопровождается представлением и, возможно, каким-либо другим способом переживания в акте внутреннего восприятия. Природа же представления, познания, желания и так далее, как конститутивных моментов акта внутреннего восприятия, идеальна, как и идеально по своей природе само сознание, и не допускает никаких смещений с чувственным содержанием, переживаемым в акте внешнего восприятия. Всякое чувственное содержание присутствует в сознании в виде содержания, преобразованного в имманентный предмет, который по своей природе также является идеальным, как и сознание.

Итак, своеобразием «внутреннего сознания», как имманентной сферы психического опыта, выступает единство сознания, которое может конституироваться только в акте внутреннего восприятия. Именно это единство сознания позволяет переживать имманентный предмет как представленный, познанный и даже, к примеру, желанный в одном и том же акте, а значит одновременно. Со своей стороны, эти разнообразные модусы или способы переживаний имманентного предмета в одном и том же акте одновременно конституируют само сознание как единое целое, которое охватывает всевозможные модусы сознания и удерживает их в виде своих частей в некоем органичном синтезе.

Все психические состояния, относящиеся к единому сознанию, выступают в виде частей этого единого сознания. Однако части эти никоим образом не изолированы друг от друга, а, наоборот, связаны или, как выражается Brentano, переплетены. Именно наличие этой особой связанности психических состояний указывает на единство сознания как таковое. Связанность психических состояний сознания может конституироваться либо в виде единства идентификации акта внешнего восприятия и сопровождающего его внутреннего представления, либо в неоднократном осознании одного и того же имманентного предмета различными способами интенциональных переживаний, которое осуществляется благодаря представлению как основополагающему способу для всех возможных переживаний «действительного предмета внутреннего сознания».

Все эти виды связанности психических состояний подчеркивают статичный характер единства сознания, ибо указывают на одновременность своего протекания. Однако единство сознания можно рассмотреть и в его динамике в виде единого потока переживаний благодаря тому,

что в сознании присутствует еще один конститутивный момент, а именно имманентное время сознания. Имманентное время обладает длительностью, а потому психические состояния сознания выступают не только одновременно, но и последовательно, сменяя друг друга.

Имманентное время представлено в сознании в трех своих модусах: настоящее, прошлое и будущее. Модусы имманентного времени сознания сами по себе равноценны и никоим образом не могут быть смешаны друг с другом так, чтобы настоящее хотя бы отчасти пребывало в прошлом или будущее присутствовало в настоящем. Однако переживание непрерывной последовательности протекания психических состояний сознания указывает на то, что модусы имманентного времени не изолированы друг от друга полностью, а с необходимостью связаны друг с другом таким образом, что именно эта связь модусов имманентного времени позволяет конституировать единство сознания в виде непрерывного потока интенциональных переживаний. Переживания в сознании интенциональны, а это означает, что переживания направлены на имманентный предмет или интендируют его. И если в модусе настоящего этот интендируемый объект *конституируется*, то в модусе прошлого он *воспроизводится*, как тот же самый интенциональный объект, конституированный в настоящем.

Именно благодаря идентификации интенционального объекта, пережитого в различных модусах имманентного времени, единство сознания конституируется как непрерывный поток психических феноменов, переживаемых в сознании. Однако идентификация, которая может пониматься как совпадение имманентного предмета, конституированного в настоящем, и имманентного предмета, воспроизведенного в прошлом, не может быть адекватной, ибо сама идентификация конституируется в памяти. Неадекватность идентификации получается вследствие того, что непосредственное и очевидное познание свойственно только внутреннему восприятию, конституирующему психические феномены, переживаемые в сознании в настоящем. Тогда как знание о тех же самых психических феноменах, воспроизводимых в сознании в прошлом, может быть только опосредованным, ибо такое опосредованное познание осуществляется в памяти, которая, как известно, не очевидна. Ожидание или предвосхищение психических феноменов, которые, вероятно, могут переживаться в сознании в будущем, также дает опосредованное знание о них, аналогично памяти.

Классификация психических феноменов

В основе деления психических феноменов на классы Brentano кладет различный способ интенционального отношения к имманентному предмету психического акта или различные способы интенционального существования имманентного предмета в сознании.

Всем трем классам психических феноменов присуще одно общее свойство, а именно у всякого психического акта как внешнего, так и внутреннего восприятия могут присутствовать все три способа интенционального отношения к предмету (за исключением разве что третьего класса психических «феноменов любви и ненависти», которые могут быть представлены только в акте внутреннего восприятия). Таким образом, одно и то же содержание психического акта может переживаться тройным способом, а это означает, что интенциональный предмет может конституироваться как представленный, познанный, желанный одновременно. Тем самым психические феномены трех основных классов могут быть внутренне связаны или переплетены друг с другом.

Однако из этого еще не следует, что три различных способа интенционального отношения к имманентному предмету психического акта выводятся друг из друга. Скорее всего, такая возможность одновременного переживания в сознании одного и того же интенционального объекта тройным способом предполагает наличие некоего фундаментального отношения между основными классами психических феноменов. Действительно, из трех основных классов Brentano выделяет представление, которое служит основанием для остальных классов психических феноменов или является предварительным условием как для многообразных видов суждения, так и для обширного класса, включающего психические «феномены любви и ненависти». В акте представления нечто является, и лишь только о являющемся предмете, а также о его явлении можно выносить суждение, кроме того, испытывать некоторое эмоциональное отношение к нему, например, любить.

В классификации психических феноменов порядок классов устанавливается с учетом трех характерных признаков: относительная независимость, простота и общность. Исходя из этих характерных признаков, определяющих порядок классов в классификации психических феноменов, классу представления Brentano предоставляет первое место по отношению к двум остальным основным классам психических феноменов.

За классом представления следует по порядку класс суждения. Называя представление и суждение мышлением, Brentano, однако, не объединяет представление и суждение в один класс мышления, а как раз разделяет их как два различных класса психических феноменов, тем самым, подчеркивая в каждом присущее ему своеобразие в отношении к имманентному предмету психического акта. К тому же, не в каждом акте сознания присутствует познавательное отношение к имманентному предмету. Скорее всего, о познании можно говорить только в сфере внутреннего сознания, а это означает, что в акте внутреннего восприятия всегда и с необходимостью за представлением интенционального объекта следует его познание. В акте суждения нечто познается, точнее, признается за истинное или отрицается как ложное. Судящее отношение

к имманентному предмету возможно как в акте внешнего, так и внутреннего восприятия. Только психический феномен, представленный в акте внутреннего восприятия, познается непосредственно и с очевидностью благодаря тому, что в акте внутреннего восприятия конституируется идентичность познающего субъекта и познаваемого объекта.

Границы последнего из трех основных классов психических феноменов Brentano очерчивает несколько нечетко, называя его то «эмоциями», то «феноменами интереса», то «феноменами любви и ненависти». Ясно только то, что психические феномены, попадающие в столь обширный класс, никоим образом не относятся к мышлению, но и полностью независимы от актов представления и суждения быть не могут. Всякое эмоциональное отношение к имманентному предмету, представленному в сознании, возможно только в акте внутреннего восприятия. Дело в том, что любая эмоция или желание представляют собой аффект, переживаемый самим осознающим субъектом, а поэтому всякая эмоция относится не к предмету, являющемуся в акте внешнего восприятия, а составляет часть самого явления этого предмета, которое в акте внутреннего восприятия выступает в качестве первичного объекта. Благодаря тому, что эмоциональное отношение к интенциональному объекту может переживаться в акте внутреннего восприятия, оно может быть познано непосредственно и с очевидностью. «Феномены любви и ненависти» и «феномены интереса», несмотря на их сущностное различие, Brentano объединяет в одном классе, ибо полагает, что всякому желанию предшествует эмоция, переживаемая по отношению к желаемому предмету. Более того, эмоции не только предшествуют желаниям, но и сопровождают их на пути к достигаемым целям, ибо желания, «заручившись поддержкой» очевидных суждений, стремятся к действительному, а не кажущемуся благу.

Итак, в классификации психических феноменов содержатся, по мнению Brentano, все способы интенционального отношения к объекту, переживаемому в сознании, а это означает, что представлены все виды психических актов, которые может выполнить осознающий субъект или эмпирическое Я. Тем самым очерчивается богатая сфера возможного внешнего и внутреннего психического опыта и подробно описывается неисчислимо многообразное психических феноменов, органично взаимосвязанных в единстве сознания.

Модусы представления

В качестве простейшего способа интенционального отношения к имманентному предмету психического акта Brentano определяет представление. В акте представления интенциональный объект переживается как только являющийся предмет, без каких-либо других дополняющих качественных характеристик, таких, например, как истинный, желае-

мый, сомнительный, неприятный и так далее. Именно эта относительная простота при переживании интенционального объекта способом представления, рассматриваемая, конечно, в сравнении с другими способами переживания интенционального объекта в сознании, позволяет подробнее исследовать само интенциональное отношение и выявить характерные особенности, присущие ему как таковому, тем самым глубже проанализировать понятие интенциональности сознания.

Любое отношение предполагает, разумеется, как минимум, две стороны, между которыми оно устанавливается. Эти две противостоящие друг другу стороны отношения Brentano называет фундаментом (Fundament) и терминусом (Terminus). Brentano выделяет характерную особенность, свойственную интенциональному отношению к чему-то как к объекту, а именно в интенциональном отношении действительно существующим может быть только фундамент, тогда как в других отношениях или, как говорит Brentano, в отношениях в собственном смысле действительно существуют как фундамент, так и терминус. Так происходит в отношении сравнения, например, отношение большего или меньшего. Фундамент и терминус даны действительно, к тому же совпадают во времени, то есть существуют одновременно в каузальном отношении. В некоторых отношениях, а именно в отношении равенства и различия, а также в отношении одновременного существования в пространстве, терминус может преобразовываться в фундамент и наоборот, фундамент может занимать место терминуса, то есть эти отношения обладают свойством коммутативности.

В таком интенциональном отношении, например, как в акте представления, субъект, представляющий интенциональный объект, действительно существует, тогда как представляемого объекта действительно может и не быть. Когда я воображаю какое-нибудь мифическое существо, например, кентавра, то я существую *реально*, а воображаемый мной кентавр существует только *феноменально*. В любом интенциональном отношении интенциональный объект, занимающий место терминуса, может существовать всегда только феноменально. Вообще сам статус феноменального существования, свойственный интенциональному объекту, переживаемому каким-либо способом в сознании, с необходимостью указывает на связь с субъектом, осознающим этот интенциональный объект, который непосредственно и с очевидностью воспринимается как действительно существующий в сознании. Собственно говоря, сама эта необходимая связь интенционального объекта с осознающим его субъектом и составляет сущность интенционального отношения как такового. Это положение, как и предшествующее ему, следует разъяснить подробнее.

Всякий интенциональный объект переживается в сознании, а это означает, что нет терминуса без фундамента, ибо в основании интен-

ционального отношения находится само переживание интенционального объекта. Однако нет и фундамента без терминуса, так как сознание может себя проявить только в самих своих многообразных психических состояниях или в различных способах переживания интенционального объекта.

В интенциональном отношении на первом плане *первично* выступает интенциональный объект, на который направлено сознание. Этот интенциональный объект Brentano обозначает как объект, *внешний* по отношению к самому интенциональному отношению, которое присуще сознанию. Само сознание также присутствует в интенциональном отношении, только присутствует как бы в непроявленном виде, *вторично*, «скрываясь» за первым планом, и может проявиться через рефлексивность, в которой сознание направлено уже не на интенциональный объект, а на само себя, тем самым конституируя себя в качестве *внутреннего* объекта интенционального отношения, а следовательно, одновременно конституируя и интенциональный объект.

Интенциональный объект или внешний объект интенционального отношения переживается в сознании переживающего субъекта, то есть интенциональный объект вовлекается в интенциональное отношение с субъектом с помощью сознания, направленного на интенциональный объект, а это означает, что внешний объект представляется в интенциональном отношении *опосредованно*, через переживание. Внутренний же объект интенционального отношения конституируется с помощью того же самого переживания, присущего самому сознанию, следовательно, внутренний объект переживается в интенциональном отношении *непосредственно*, сам по себе. В сущности говоря, в интенциональном отношении переживается сознание, конституирующее интенциональный объект.

Когда представляющий субъект осознает собственное переживание, вызванное появлением ощущения в сознании, он конституирует действительность собственного сознания, а значит с очевидностью и непосредственно воспринимает себя как *действительно* существующего. Сознание представляющего субъекта в своем переживании направлено на интенциональный объект, тем самым дает интенциональному объекту возможность быть в сознании *феноменально*, конституируя его в качестве предмета, являющегося представляющему субъекту. Интенциональный объект присутствует в сознании, только будучи воспринимаемым, поэтому феноменальному существованию предмета, переживаемого в сознании, с необходимостью предшествует реальное существование самого сознания. Сознание конституирует только феноменальное существование предмета, то есть существование предмета в пределах сознания. Тем самым реальное существование вещи за пределами сознания, каким бы оно ни было, недоступно сознанию, а значит, не может переживаться

никаким способом. С реальным существованием вещи сознание связано лишь опосредованно, через ощущение, которое непрерывно вызывается чем-то явно психическим. Благодаря появлению в сознании ощущения, сознание допускает существование какой-либо реальной вещи за пределами сознания, послужившей причиной для возникновения этого ощущения в сознании, и только на основании того ощущения, переживая его, сознание конституирует феноменальное существование вещи в сознании, теперь уже в качестве интенционального объекта сознания.

Итак, в каждом психическом акте, представляющем собой интенциональное отношение, даны одновременно и в единстве два объекта, из которых один выступает в качестве внешнего или первичного объекта, а другой Brentano обозначает как внутренний или вторичный объект интенционального отношения. Взаимодействие, происходящее между ними в интенциональном отношении, Brentano описывает с помощью введения модусов представления, тем самым выделяет характерные особенности, присущие представлению как основополагающему способу переживания интенционального объекта в сознании. Внутренний или вторичный объект переживается в сознании непосредственно или *in modo recto*, тогда как внешний или первичный объект осознается опосредованно, а значит *in modo obliquo*.

Выделив в представлении *modus rectus* и *modus obliquus*, Brentano подчеркивает, что между ними имеется неравнозначное отношение. При очевидном представлении интенционального объекта опосредованному переживанию внешнего объекта интенционального отношения с необходимостью предшествует переживание внутреннего объекта, которое должно быть непосредственным. Однако это никоим образом не означает, что *modus obliquus* всегда выступает вслед за *modus rectus*, ибо интенциональный объект может переживаться с очевидностью только в акте внутреннего восприятия, в котором представление интенционального объекта с необходимостью связано с представлением самого субъекта, представляющего интенциональный объект в своем сознании.

В акте внешнего восприятия в качестве вторичного объекта выступает явление являющегося предмета, а это значит, что это явление переживается способом представления *in modo recto*. Однако в акте внешнего восприятия представление вторичного объекта *in modo recto* не будет очевидным. То же самое явление являющегося предмета в акте внутреннего восприятия занимает место уже первичного объекта, следовательно, переживается способом представления *in modo obliquo*, но переживается с очевидностью благодаря той самой необходимой связи с представляющим субъектом, который сам себя представляет непосредственно и очевидно как действительно существующего, тогда как очевидно, но опосредованно представляет первичный объект интенционального отношения как феноменально существующий в сознании

представляющего субъекта. В этом описании легко обнаруживается тот факт, что один и тот же объект может представляться в различных актах восприятия в разных модусах как *in recto*, так и *in obliquo*. Такое возможно, по мнению Brentano, благодаря тому, что в интенциональном отношении одновременно и в единстве даны два объекта, а внешнее и внутреннее восприятие являются всего лишь частями единого психического акта.

Из того, что представление *in modo obliquo* невозможно обнаружить без представления *in modo recto*, с очевидностью вытекает то, что *modus obliquus* как таковой имеет многообразные разновидности в отличие от *modus rectus*, который таковыми разновидностями не обладает. Дело в том, что *modus rectus* сам по себе, отдельно, без *modus obliquus* не может конституировать никакого отношения, поэтому любое отношение может быть обнаружено только через переживание *in modo obliquo*. Способов переживания *in modo obliquo* оказывается бесчисленное множество, так как представление, в котором впервые выделяется *modus obliquus*, служит предварительным условием для переживаний психических феноменов как класса суждения, так и класса эмоций. Поэтому *modus obliquus* помимо характерных особенностей, присущих способу представления интенционального объекта, может содержать в себе также и своеобразия сужающих и эмоциональных отношений к интенциональному объекту, представленному в сознании *in modo recto*.

Интенциональный объект психического акта может представляться более или менее отчетливо. И чем больше признаков выявляется у интенционального объекта, тем и представление его будет более и более отчетливым. При отчетливом представлении интенциональный объект осознается как единое целое, объединяющее все свои части, так и по каждой из своих частей в отдельности, которые выявляются при прояснении целого.

Выявленные части интенционального объекта могут быть связаны друг с другом благодаря тому, что каждая из частей интенционального объекта относится к этому объекту как одному и тому же представляемому объекту и наряду с другими его частями наглядно проясняет представление интенционального объекта как единого целого. Так, например, когда познающий субъект представляет красное пятно как цветное, как красное, как треугольное и так далее, он приписывает ему все эти характеризующие его признаки, которые, как части целого, связаны друг с другом и идентичны с целым. На основании возможности атрибутивного связывания представлений, по мнению Brentano, в акте представления можно объединять различные объекты, рассматривая их как единое целое. А в том случае, когда связываемые объекты несовместимы друг с другом как, например, круглый квадрат, голубое красное, получается целое атрибутивного, хотя и не наглядного единства. Такие

свободные идентификации, не зависящие от опыта, наглядно конституируемого актами восприятия, возможны, по мнению Brentano, как *in modo obliquo*, так и *in modo recto*, так как прояснение представления интенционального объекта как единого целого может осуществляться через выявление частей объекта, представляемого как *in modo recto*, так и *in modo obliquo*. Например, в психическом акте, когда представление дерева *in modo recto* атрибутивно связано с представлением одного из признаков дерева, представляемого как незеленого *in modo obliquo*, осуществляется идентификация представляемого объекта и его признака как целого и его части способом представления *in modo obliquo*.

Атрибутивную связь представлений никоим образом не следует принимать за суждение, ибо при такой атрибутивной связи представлений не утверждается, что каждый из объектов отдельных представлений, вступающих в атрибутивную связь, истинен или ложен, как и сама идентификация объектов отдельных представлений, полученная в результате этой атрибутивной связи представлений, только представляется, но не признается.

Наряду с модусами *rectus* и *obliquus* представление, как основополагающий способ переживания интенционального объекта в сознании, обладает еще темпоральными модусами. Следовательно, модусы времени, по мнению Brentano, первоначально переживаются в акте представления и вслед за ним модифицируют также и другие способы переживаний, а именно суждение и эмоции.

Имманентное время сознания присутствует во всех способах переживаний сознания в виде континуума темпоральных модусов, тем самым конституирует сознание в качестве непрерывного потока интенциональных переживаний, последовательно сменяющих друг друга. Континуум темпоральных модусов представляет собой непрерывное движение двух разнонаправленных лучей, которые исходят из одной точки настоящего и удаляются в противоположные стороны прошлого и будущего. Темпоральные различия, характеризующие способ представления как таковой, Brentano предлагает рассмотреть на примере представления внешнего объекта как покоящегося или движимого в пространстве. Так в состоянии покоя внешний объект *прежде и после* является равнолокализованным, в состоянии же движения внешний объект *прежде и после* локализуется по-разному. Темпоральные моменты *прежде и после* указывают на временную модификацию представления, в ряду актов которого связывается или осознается один и тот же объект. Но сами темпоральные моменты принадлежат непрерывному потоку имманентного времени сознания и могут выделиться из него только через соотношение с представляющим субъектом, существующим, точнее конституированным в акте представления всегда только в настоящем, *теперь*.

Взаимосвязанность темпоральных различий, переживаемых в акте представления, позволяет Brentano охарактеризовать настоящее как абсолютный модус имманентного времени сознания, тогда как прошлое и будущее суть относительные темпоральные модусы, переживаемые или конституируемые в сознании только в отношении к модусу настоящего или даже вместе с ним. Тем самым модус настоящего выступает только в качестве границы временного континуума и может представляться *in modo recto*, тогда как сам континуум темпоральных различий представляется только *in modo obliquo*. Так в акте представления один внешний объект переживается как одновременный с представляющим субъектом, другой – как предшествующий первому, третий – как представленный еще раньше, чем второй и так далее, и тем самым представляющий субъект оказывается единственным объектом, представленным *in modo recto* и *in modo praesento*, который представляет нечто другое *in modo obliquo* и из него одно – *in modo praesento*, а другое – в ряду *modis praeteritis*. Таким образом, в любом психическом акте, будь то акт внешнего или внутреннего восприятия, переживание или схватывание интенционального объекта может быть охарактеризовано всеми присущими способу представления модусами, а именно, интенциональный объект может представляться в сознании как либо *in modo recto*, то есть непосредственно, либо *in modo obliquo*, то есть опосредованно, так и одновременно либо в настоящем, либо в прошлом, либо в будущем.

Brentano полагает, что уже в акте ощущения, то есть в акте внешнего восприятия, может быть дано представление различий прошлого, настоящего, будущего. Тем самым конституируется непрерывный временной поток, в котором пребывает сознание. В качестве временного объекта, переживаемого в акте внешнего восприятия, Brentano предлагает рассмотреть мелодию, которая представляет собой чисто временной психический феномен, не имеющий никаких пространственных характеристик.

Итак, мелодия, как временной объект акта внешнего восприятия, схватывается в виде последовательного образа услышанного ряда звуков. Такой последовательный образ мелодии является как впечатление, возникающее непосредственно извне в настоящем. Ощущения, переживаемые в прошлом, Brentano называет протерэстезами (*Proter aesthesen*), тогда как ощущение, переживаемое в настоящем, получает имя эстезы (*Aesthese*). Протерэстеза проявляет непрерывный ряд, исходящий из эстезы настоящего и удаляющийся в прошлое. Объект эстезы непрерывно превращается в объекты ближайших и отдаленных протерэстез. Протерэстеза производит тот же самый объект, который первоначально конституирует эстеза. Однако отличие протерэстезы от эстезы состоит в том, что протерэстеза относится к тому же самому интенциональному объекту, но

только уже другим способом, который непрерывно видоизменяется от эстезы к самому отдаленному моменту прогерэстезы.

Брентано утверждает, что именно относительно ощущения внешних, чувственно воспринимаемых объектов может быть дано множество и непрерывность различных способов представления, меняющихся во времени. Однако все чувственно ощущаемые темпоральные модусы представления воспринимаются только в акте внутреннего восприятия. В соответствии со структурой психического акта каждое внешнее восприятие с неизбежностью сопровождается внутренним восприятием, а это означает, что ощущение, которое в акте внешнего восприятия занимало место вторичного объекта, в акте внутреннего восприятия преобразуется в первичный объект. Тем самым, темпоральные модусы представления, данные уже в акте внешнего восприятия, в акте внутреннего восприятия с очевидностью осознаются не как различия объектов, а как различия способа отношения к интенциональному объекту у внешнего восприятия. Также важно еще подчеркнуть, что временные отличия в способе отношения к интенциональному объекту в акте внутреннего восприятия схватываются опосредованно через непосредственное осознание настоящего.

Точка времени в настоящем непосредственно и с очевидностью схватывается в акте внутреннего восприятия как одновременно начальная и конечная точка, то есть не имеющая продолжительности, тогда как темпоральные моменты, переживаемые как временные отличия между ближайшим, отдаленным, а также более и более отдаленным прошлым, могут быть представлены как исходящие из одной и той же точки в настоящем и удаленные от нее в разных промежутках времени в прошлом. Тем самым темпоральные моменты в прошлом выстраиваются в непрерывный ряд временных отличий между ближайшим и отдаленным прошлым. Само же отношение между точкой в настоящем и любой другой точкой в прошлом указывает на продолжительность временного отличия между настоящим и прошлым. Таким образом, осуществляется взаимосвязь настоящего и прошлого в континууме темпоральных модусов представления, а это означает, что конституируется непрерывный поток различающихся во времени представлений одного и того же интенционального объекта, например, мелодии.

Суждение как познавательный способ отношения к предмету

В классификации Брентано за классом представления следует другой основной класс психических феноменов, а именно класс суждения, которое представляет собой особый способ интенционального отношения к имманентному предмету психического акта наряду с другими способами переживания интенционального объекта – такими, как представление и эмоции. Свообразие, характеризующее суждение как таковое, состо-

ит, по мнению Brentano, в том, что в акте суждения осуществляется познание интенционального объекта. Однако суждение, как способ переживания интенционального объекта в сознании, осуществляется всегда вторично и выступает только вслед за представлением. Ведь для того, чтобы что-либо познать, нужно, чтобы объект познания был дан в сознании каким-либо образом, будь то посредством восприятия или даже воображения.

В акте суждения осуществляется познание интенционального объекта, которое заключается в том, что интенциональный объект, предварительно представленный в сознании, либо признается как истинный, либо отрицается в качестве ложного. Тем самым всякое суждение является либо утвердительным (позитивным), либо отрицательным (негативным).

Как известно, природу суждения принято понимать как соединение или отделение представлений или представленных в сознании признаков. Поэтому утверждающее, равно как и отрицающее суждение обычно обозначают как составное или же соотносящее мышление. Так, например, в суждении «роза красная» содержатся две интенции, из которых одна интенция признает субъект суждения, а другая приписывает данному субъекту предикат, который, будучи представленным, идентифицируется с этим субъектом. В суждении же «роза красная, не белая» наряду с двумя признающими интенциями выступает также отрицающая интенция, которая у того же самого субъекта отрицает наличие определенного признака, которым этот субъект не обладает.

Однако не каждое суждение относится к связыванию или отделению признаков, представленных в сознании. Так, например, в суждении существования «*A* есть» признается не связь признака существования с *A*, но, как пишет Brentano, само *A* становится предметом акта суждения, а это означает, что в акте утвердительного суждения ясно выделяется признание интенционального, но никоим образом не действительно существующего в сознании предмета. Хотя, пожалуй, для Brentano не является принципиальным различие того, признается ли в суждении сам предмет или же признается его интенциональное существование в сознании. Точно так же, когда признается целое, также признается и каждая отдельная часть этого признанного целого. Например, тот, кто признает, что «есть ученый человек», то есть соединение понятия *человек* с признаком *учености*, наряду с этим признает также, что «человек есть».

Как выше было уже замечено, суждение, как познавательный способ отношения к интенциональному объекту, выступает только вслед за представлением. А это означает, что модусы, присущие представлению, модифицируют также и суждение. Так, например, в суждении «есть какое-то дерево» и в суждении «какое-то дерево было» дерево, как интенциональный объект, о котором выносится суждение, признается в обоих

случаях, но с иным модусом признания, ибо темпоральный модус представления интенционального объекта также темпорально отличает и признание интенционального объекта, конституируемого в акте суждения. Точно так же и характеризующие представление *modus rectus* и *modus obliquus* находят свое применение в акте суждения

Интенциональное отношение к чему-то как к объекту обладает, по мнению Brentano, некой характерной особенностью, благодаря которой в интенциональном отношении действительно существует только фундамент, то есть сам сознающий (представляющий или также судящий) субъект, тогда как терминуса или объекта, на который направлена интенция сознания, действительно может и не быть. Например, когда познающий субъект воображает кентавра, то он существует *действительно*, а воображаемый им кентавр существует только *феноменально*. Теперь в акте суждения возникает вопрос, как быть с познанием воображаемого кентавра, и если его можно познать, то каким образом? Тем самым этот вопрос затрагивает проблему истинных или действительных и фиктивных объектов, данных в сфере психического опыта эмпирического Я или сознающего субъекта.

Прежде всего, в любом психическом акте Brentano различает интенциональный объект, переживаемый в сознании, и само переживание интенционального объекта, которое может осуществляться различными способами, а именно, способом представления, суждения, эмоционального переживания, и в результате конституирует интенциональный объект. Возможность различным способом переживать или осознавать один и тот же объект позволяет Brentano само переживание назвать содержанием интенционального отношения или психического акта. Однако содержание интенционального отношения определенным образом оказывается больше, чем интенциональный объект, переживаемый в сознании, ибо содержание психического акта находится как в объекте, так и в субъекте, переживающем этот объект. Так в акте суждения помимо интенционального объекта можно выделить еще и содержание суждения. Например, в суждении «*кентавра нет*» в качестве объекта суждения выступает кентавр, а содержанием суждения становится небытие кентавра, то есть судящий субъект отрицает кентавра в темпоральном модусе настоящего.

Как известно, судящий субъект может судить правильно или заблуждаться относительно судимого предмета. Здесь возникает возможность содержания суждений рассматривать в качестве объектов и истолковывать их аналогично объектам. Тогда среди содержаний суждений следует различать содержания, существующие опосредованно, в переносном смысле, а значит только в сознании судящего субъекта, и содержания, относящиеся к вещам, существующим в действительности, то есть содержания, которые могут существовать в прямом смысле, непосредственно.

Однако Brentano твердо убежден в том, что нет истины вне судящего субъекта. Иными словами, истина существует только в сознании судящего субъекта и никоим образом не может существовать в действительности. Понимая психологизм как учение, сторонники которого допускают возможность познания только в узких рамках скептического субъективизма и релятивизма, Brentano разделяет эту позицию и называет себя психологистом, так как не признает единство истины для всех.

Следовательно, не имеет основания аналогия между содержаниями и объектами, которая состоит в том, что одни, как и другие, не только существуют опосредованно, но и непосредственно могут быть и не быть. Содержания не могут существовать вне сознания судящего субъекта, но содержания также не могут существовать и в сознании судящего субъекта в точно таком же смысле, в каком существуют объекты, то есть содержания не могут стать объектами, как наоборот, никакой объект не может составить целое содержания.

Итак, возможность аналогичного истолкования содержания акта суждения и интенционального объекта, о котором выносится суждение, Brentano не допускает именно потому, что содержание суждения, а точнее переживание интенционального объекта способом суждения, указывает на судящего субъекта и является выражением психической деятельности самого сознания этого судящего субъекта. Поэтому не содержание суждения, а сам судящий субъект в акте внутреннего восприятия может быть представлен в качестве объекта и познан как действительный объект, то есть субъект, судящий правильно.

Brentano утверждает, что действительным объектом психического опыта может быть только реально существующая вещь. В психическом акте в качестве такой реально существующей вещи выступает сам познающий субъект. Поэтому в акте суждения познающего субъекта Brentano обозначает объектом *in modo recto*, тогда как интенциональный объект, о котором выносится суждение, например, кентавр, может познаваться только в качестве объекта *in modo obliquo*. Таким образом, в акте суждения в объекты *in modo obliquo* могут преобразовываться вещи всякого рода, в том числе и фикции.

Действительные объекты Brentano называет истинными, ибо их можно познать непосредственно и с очевидностью, то есть интуитивно схватить в акте внутреннего восприятия или рефлексии как истинные объекты, тогда как познание фиктивных объектов очевидным, а тем самым и истинным может быть и не быть, ибо осуществляется только опосредованно и, в сущности, является всего лишь полаганием познающего субъекта. Следовательно, такое полагание еще не дает гарантированного истинного знания, которое можно получить при непосредственном и очевидном познании действительного объекта, которым, по сути

дела, в акте внутреннего восприятия оказывается только познающий субъект.

С точки зрения Brentano, действительным объектом сознания познающего субъекта оказывается сам субъект, который в акте внутреннего восприятия занимает место вторичного объекта, а значит, сопровождает любое психическое состояние, являющееся выражением многообразной деятельности самого сознания. При таком сопровождении или осознании какого-либо психического состояния собственного сознания, как, например, я осознаю, что я вижу что-то, слышу что-то, мыслю что-то, желаю что-то и так далее, осуществляется познание самого сознающего субъекта, причем это познание характеризуется как непосредственное и очевидное познание.

Итак, несомненное знание возможно, и оно достигается в акте внутреннего восприятия при непосредственном и очевидном познании самого сознающего субъекта как действительно существующего объекта. Очевидность непосредственного познания обнаруживается в том, что в акте внутреннего восприятия, например, *я осознаю, что я мыслю что-то*, само мышление и осознание мышления осуществляется одним и тем же сознающим субъектом. Тем самым в акте внутреннего восприятия схватывается идентификация познающего и познаваемого, которая непосредственно и очевидно познается благодаря тому, что всякое психическое состояние сознания осознается и не может не осознаваться, так как сознание обладает интенциональностью.

Непосредственность же очевидного познания выражается в том, что в акте внутреннего восприятия сознающий субъект дан непосредственно, а именно дан *так, как он есть*, то есть интуитивно усматривается или созерцается в акте внутреннего восприятия. Это положение можно понять так, что сознающий субъект дан так, как он есть и никак иначе. Тем самым в акте внутреннего восприятия проявляются границы непосредственного познания, которое сводится только к познанию самого познающего субъекта, данного так, как он есть и только в темпоральном модусе настоящего.

Непосредственное и очевидное познание, возможное только в акте внутреннего восприятия, ограничивается только самопознанием познающего субъекта, которое осуществляется в темпоральном модусе настоящего. А это означает, что все психические состояния, которые познающий субъект переживал в прошлом или, вероятно, будет переживать в будущем, уже не могут быть им познаны с непосредственной очевидностью.

Любое воспоминание относится к опосредованному познанию, ибо в акте внутреннего восприятия предмет, пережитый ранее, не может восприниматься непосредственно как сам субъект, который в темпоральном модусе настоящего осознает себя вспоминающим. Здесь, в акте

внутреннего восприятия, предмет воспоминания всего лишь узнается с большей или меньшей вероятностью, которая никогда не достигнет полной очевидности. Поэтому опосредованное познание вспоминаемого предмета осуществляется в «слепом», то есть неочевидном, суждении или необоснованном полагании вспоминающего субъекта. Таким образом, опосредованное познание имеет вероятный характер и состоит в том, что предмет, познаваемый опосредованно, то есть переживаемый *in modo obliquo*, в акте воспоминания не дан так, как он есть, непосредственно и поэтому только предполагается. Любое же предположение, как правило, нуждается в подтверждении или обосновании, что может быть предоставлено только непосредственным познанием, в котором может осуществиться или нет идентификация предполагаемого предмета и предмета, непосредственно данного в акте внутреннего восприятия. Однако не всякое предположение находит свое подтверждение или, напротив, опровержение как невозможное. Такое подтверждение или опровержение, например, недоступно для предмета воспоминания, знание о котором никогда не сможет стать очевидным, а скорее все более и более будет терять степень своей вероятности, ибо представление предмета, переживаемого в прошлом, не может быть полностью восстановлено в настоящем.

Помимо всего прочего, сознающему субъекту доступно, по мнению Brentano, также еще и познание психических феноменов, которые относятся к психическому опыту других сознающих субъектов. Психические состояния других сознающих субъектов выражаются в речи, то есть в языковых сообщениях любого рода, будь то повествование, восклицание, вопрос или же приказ. Кроме того, психические состояния часто достаточно ясно, хотя не так отчетливо, проявляются внешне также в произвольном поведении переживающего субъекта, в его поступках и даже жестах, то есть не в речевых актах. Основываясь на такого рода невербальных выражениях, о таких психических состояниях можно судить, по мнению Brentano, гораздо вероятнее, чем исходить из устных или письменных высказываний субъекта, переживающего эти психические состояния. Знание о такого рода психических феноменах может быть только опосредованным, так как сознающий субъект познает их только по аналогии со своими психическими состояниями, переживаемыми им подобным образом.

Точно так же, как и воспоминание, не обладает характером очевидности и внешнее или чувственное восприятие, в котором переживаются различные физические феномены, такие, например, как цвета, звуки и так далее, а это означает, что физические феномены осознаются как *феномены*, как *феноменально существующие* в психическом опыте сознающего субъекта. Знание о физических феноменах оказывается опосредованным потому, что, по сути дела, сознающий субъект познает,

причем непосредственно и с очевидностью, свое интенциональное отношение к чему-то как к объекту. Это отношение и называется интенциональным по той лишь причине, что оно с неизбежностью направлено на некий предмет, на который сознающий субъект обращает свое внимание, то есть замечает его. В результате непосредственного познания интенционального отношения к чему-то сознающий субъект конституирует это что-то, вовлеченное в интенциональное отношение с ним, сознающим, как интенциональный объект, переживаемый определенным образом в сознании.

В качестве интенционального объекта могут конституироваться как физические феномены, так и психические феномены. Отличие конституирования в сознании физических и психических феноменов состоит в том, что психические феномены существуют в сознании интенционально и действительно, то есть могут быть познаны, хотя не все, непосредственно и с очевидностью, так же как непосредственно и с очевидностью познается само интенциональное отношение к ним, тогда как физические феномены существуют в сознании интенционально и только феноменально, а это означает, что знание о физических феноменах возможно, но может быть только предположительным или вероятным, следовательно, опосредованным, так как всего лишь вероятным образом приписывается тем трансцендентным вещам, существующим за пределами сознания и послужившим причиной для возникновения физических феноменов в сознании познающего субъекта.

Вообще познание чего-либо, будь то самопознание или познание какого-либо предмета, данного в сознании, осуществляется, по мнению Brentano, в процессе выявления определенных признаков или характерных особенностей, присущих познаваемому предмету, и затем в процессе обнаружения, возможно, имеющихся у них отношений друг к другу. При выявлении каждого признака в отдельности происходит различие в том, чем он, в сущности, является и никоим образом не является ничем другим. Таким образом, с каждым позитивным суждением возникает негативное суждение, при котором сам познаваемый предмет признается, но у него отрицается наличие какого-либо признака. А это означает, что негативное суждение, которое Brentano рассматривает как аподиктическое суждение, включает в себя позитивное, ассерторическое суждение. Тем самым, негативное суждение, которое Brentano также называет еще и аксиоматическим познанием, оказывается обусловленным позитивным суждением или фактическим познанием.

Познание как таковое может расширяться благодаря присоединению обусловленного познания. К обусловленному познанию помимо «аксиоматического познания чего-то как невозможного» Brentano причисляет также еще и познание, полученное посредством вывода. Полученное в результате такого познания выводимое суждение не содержит

ся ни в одной из посылок, на основании которых и было осуществлено приведение к такому заключению или выводу.

Как правило, среди выводов различают такие, которые заключают что-либо о предмете познания достоверно и несомненно. Помимо несомненных выводов встречаются также выводы, несущие всего лишь вероятное знание об исследуемом предмете.

Для успешного проведения познания исследуемого предмета еще Р. Декарт, как известно, выдвинул необходимое условие, которое состояло в том, что непосредственное и очевидное познание для полного и совершенного своего осуществления нуждается в ясном и отчетливом восприятии. Причем такие особенности восприятия, которые его характеризуют как ясное и отчетливое, не являются тождественными друг другу, а, напротив, расширяют и дополняют смысл восприятия, которое служит для прояснения как исследуемого предмета, так и самого процесса познания этого предмета. И если отчетливое восприятие включает в себе то, что ясно, то у предмета, воспринимаемого в акте ясного, но не отчетливого восприятия, ясно выделяется только одна часть, в которой, соответственно, уже нет неясных частей, однако о других частях, присущих воспринимаемому предмету как целому, подобное сказать невозможно, ибо в этом акте восприятия они содержатся еще неясным способом и нуждаются в особых специальных актах восприятия, выявляющих каждую из них в отдельности. Таким образом, познание как таковое состоит из ряда восприятий, одно из которых относится к воспринимаемому предмету как к целому, а другие относятся к частям этого целого.

При взаимосвязанности у восприятия ясности и отчетливости больше затруднений возникает при сравнении одного замеченного предмета с другим замеченным предметом, ибо в восприятии невозможно двойное одновременное наполнение поля зрения в одном и том же месте. Brentano преодолевает это затруднение с помощью того, что привлекает к сравнению либо воспоминание того же самого наполнения поля зрения сознающего субъекта, только осуществленного в более раннем восприятии, или же фантазию, в которой такое наполнение образуется параллельно с восприятием в настоящем.

Итак, каким же образом происходит, например, сравнение пространственных и временных характеристик воспринимаемого предмета? В случае восприятия пространственных протяженностей их можно сравнить посредством прямого измерения, то есть совместить. Возможность же сравнения временных длительностей, по мнению Brentano, допустима и осуществляется благодаря использованию представлений воспоминания. Дело в том, что в воспоминании представления даны с теми же самыми темпоральными модусами настоящего и ближайшего прошлого, только даны *in modo obliquo*. А это означает, что более ран-

нее восприятие вспоминаящий субъект представляет как первичный объект, причем сам будучи в акте внутреннего восприятия в качестве вторичного объекта. Тем самым в акте внутреннего восприятия могут быть даны два временных континуума с равными темпоральными модулями, переживаемые одновременно, а это означает, что их можно сравнить друг с другом, как, например, настоящее в настоящем и настоящее в прошлом.

Знание, полученное посредством воспоминания, не имеет непосредственной очевидности. Тогда как при непосредственном познании не может быть речи о вероятности. Однако некоторые суждения, которые различают два объекта или устанавливают между ними какие-либо другие отношения, могут быть, по мнению Brentano, очевидными, но никогда не будут аподиктическими.

Наряду с суждениями как асерторическими и аподиктическими, то есть отрицающими нечто как невозможное, так и «слепыми» и очевидными Brentano выделяет в классе суждения еще один вид суждений, а именно мотивированные (или обоснованные) и немотивированные суждения. В акте внутреннего восприятия, например, *я осознаю, что я слышу что-то*, сознающий субъект, как пишет Brentano, замечает, апперципирует, то есть сознательно воспринимает слышание чего-то, выступающее в качестве первичного объекта, а также одновременно замечает с очевидностью, подчеркивает Brentano, слышание чего-то, которое занимает место вторичного объекта и представляет собой слышание, «схватывающее самого себя». Столь различные интенции, относящиеся к первичному и к вторичному объекту, одновременно даны в одном и том же едином акте внутреннего восприятия и совершенно неотделимы. Здесь слышание, будучи ощущением, выступающим в качестве первичного объекта, вызывает в сознающем субъекте познающую интенцию, которую Brentano называет апперцепцией. Такая апперцепция, как легко можно заметить, имеет эмпирический характер. Тем самым апперцепция ощущения оказывается мотивированным суждением.

Непосредственное и очевидное познание есть познание чего-то фактического. Фактическое познание вызывается только фактом, данным в сознании познающего субъекта, и характеризуется как случайное. Факт познается с очевидностью, так как непосредственно переживается в акте внутреннего восприятия. Однако очевидность, с которой познается что-то фактическое, остается асерторической и никогда не сможет сопровождать аподиктическое знание, имеющее всеобщий и необходимый характер.

Чувственные и интеллигибельные предметы внутреннего восприятия

Любое психическое состояние, будь то простое ощущение или внутреннее восприятие, конституирует имманентный предмет, пережи-

ванием которого оно, по сути дела, является и благодаря которому возникает в сфере психического опыта сознающего субъекта. Все предметы, переживаемые каким-либо образом в сознании, Brentano делит на чувственные и интеллигибельные. Соответственно своим предметам различаются и психические состояния, а именно: психические состояния, содержащие в себе чувственные предметы, Brentano называет чувственными созерцаниями, а психические состояния, заключающие в себе интеллигибельные предметы, составляют понятийное мышление.

В сфере чувственных созерцаний могут переживаться как непсихические, то есть физические, так и психические, чувственные предметы. Непсихические чувственные предметы являются объектами внешних чувственных созерцаний и могут быть разделены на классы по принципу принадлежности к различным чувствам, а именно: предметы зрения, слуха, осязания, вкуса, обоняния. Всякое чувство как таковое характеризуется однородностью. В рамках такой однородности в каждом чувстве можно обнаружить еще и наличие качественной противоположности у непсихических предметов, а именно: темное и светлое у цветного, высокий и низкий уровень у звучащего. Наряду с качественными различиями чувственное созерцание обладает еще пространственными и темпоральными различиями. Темпоральные различия чувственных созерцаний проявляются в состояниях покоя или движения чувственных предметов. Наконец, следует заметить, что внешнее чувственное созерцание, как и всякое психическое состояние сознающего субъекта, может быть смутным или отчетливым. Внутреннее восприятие чувственных созерцаний Brentano также относит к чувственным созерцаниям, которые, соответственно, можно назвать внутренними чувственными созерцаниями. Тем самым психическое состояние, занимающее место первичного объекта в акте внутреннего восприятия, может быть преобразовано в психический чувственный предмет. К чувственным предметам такого рода Brentano относит предметы, переживаемые в воспоминании, а также предметы, принадлежащие психическому опыту других сознающих субъектов, кроме того, разнообразные отношения, выявленные при переживании сложных психических состояний. Помимо всего прочего, психическими чувственными предметами могут стать и такие психические состояния, которые сами относятся к психическим состояниям, преобразованным в первичный объект. Примером такого отношения может служить воспоминание воспоминания.

Характерные особенности, свойственные психическим чувственным предметам, гораздо более разнообразны, чем особенности, проявляющиеся у физических чувственных предметов, так как к психофизическим отличиям, обнаруженным в сфере внешнего чувственного созерцания, присоединяются еще и чисто психические отличия, а именно те самые особенности, которые имеются у представления, суждения, эмо-

ций. Здесь в акте внутреннего восприятия чувственное представление может быть только *in modo obliquo*, поскольку относится к психическому состоянию, переживаемому в качестве первичного объекта. В сфере чувственного созерцания представление не ограничивается только темпоральным модусом настоящего, а позволяет различать весь континуум темпоральных модусов. Тем самым представление психического чувственного предмета предстает в виде непрерывного ряда переживаний, хотя относительно порядка психических состояний, переживаемых в воспоминании, могут быть сомнения, какое из них происходило раньше, а какое позднее. В воспоминании более ранние переживания воспроизводятся или репродуцируются в соответствии с теми же самыми темпоральными модусами, которые проявляются при чувственном созерцании непсихических предметов. Полностью Brentano не отвергает возможность очевидных суждений в сфере внутренних чувственных созерцаний. При прояснении смутных чувственных созерцаний могут быть обнаружены качественные модусы суждений, то есть утвердительные и отрицательные суждения.

Относительно чувственных эмоциональных состояний, то есть всякого рода аффектов, претерпеваемых сознающим субъектом, можно сказать то, что они, так же как, в сущности, и суждения, всегда относятся только к психическому состоянию, представляемому в акте внутреннего восприятия в качестве психического чувственного предмета. Таким образом, при переживании какого-либо аффекта, как пишет Brentano, само психическое состояние, например, ощущение определенных чувственных качеств, относится к самому себе как к объекту.

В интеллигибельной сфере психического опыта сознающего субъекта также могут переживаться как непсихические, так и психические интеллигибельные предметы, но те и другие даны в акте внутреннего восприятия посредством абстрагирования от предметов, представленных в чувственном созерцании, как внешнем, так и внутреннем. По сути дела, все интеллигибельные предметы суть не что иное, как общие понятия или универсалии, которые могут быть интуитивно усмотрены в непосредственном опыте чувственного созерцания.

Непсихические интеллигибельные предметы даны во внутреннем сознании в тех случаях, когда интеллигибельные чувственные предметы, например, белое или красное, абстрагируются сначала от определенной пространственной локализации, а затем и от видовых различий. В результате такой абстракции можно мыслить цветное вообще. Однако абстракцию можно продолжить еще дальше и, абстрагируясь от качества и местоположения в пространстве, получить тем самым понятие вещи вообще. Таким образом, предметы абстракции могут быть то более, то менее общими.

Общие понятия, полученные с помощью абстракции, извлекаются из чувственных созерцаний, в которых они всегда содержатся, а значит, всегда же могут и усматриваться. Однако Brentano полагает, что общее понятие можно мыслить, и, не имея одновременно единичного представления, данного в чувственном созерцании. Это, по-видимому, происходит тогда, когда психическими интеллигибельными предметами становятся сами интеллектуальные психические состояния сознющего субъекта, только данные в акте внутреннего восприятия уже в качестве первичных объектов. Тем самым легко можно заметить ту самую независимость, хотя и относительную, которая существует между понятийным мышлением и чувственным созерцанием. Более интересным для Brentano оказывается подробное рассмотрение проблемы универсальности всех созерцаний. Тем самым Brentano пытается ответить на вопрос, каким образом общее, которое только и может быть преобразовано в объект мысли или понятие, можно усматривать в единичных вещах. И прежде всего Brentano замечает, что ни одну единичную вещь сознющий субъект не может представить полностью индивидуализированной.

В акте внутреннего восприятия, который допускает возможность непосредственного и очевидного познания, сознющий субъект познает себя непосредственно и с очевидностью как единичную вещь на основании идентичности познающего субъекта и познаваемого объекта, ибо сознющий субъект как единичная вещь может быть идентичен только с самим собой. Однако эта идентичность познающего субъекта и познаваемого объекта, схватываемая в акте внутреннего восприятия, никоим образом не индивидуализирует, а скорее видуализирует самопознающий субъект, ибо с такой же неопределенностью и общностью она свойственна любому другому субъекту, который воспринимает себя подобным образом. Более того, в акте внутреннего восприятия не выступает то, что индивидуализирует сознющий субъект, а значит, отличает его от каждого другого сознющего субъекта. В акте внутреннего восприятия субъект может непосредственно и с очевидностью представлять нечто общее, а именно себя самого. И это общее не получается с помощью абстракции, например, от менее общего. К тому же представление такого общего в акте внутреннего восприятия не сопровождается одновременно соответствующим индивидуальным представлением. Возможность такого представления общего указывает, по мнению Brentano, на характерную особенность, присущую мышлению как таковому, которое по природе своей имеет дело только с общими понятиями.

К полной индивидуализации представляемого объекта приближено чувственное созерцание, но только лишь приближено, а не является таковым, ибо в акте внешнего восприятия не обнаруживается, как пишет Brentano, «особенность временной определенности» представляемого

объекта, наличие которой было бы достаточно для полного индивидуального определения внешних объектов.

Имманентное время сознания предстает в виде ряда темпоральных модусов, а именно: будущее, настоящее, прошлое, последовательная смена которых создает временной континуум. Поэтому каждый объект, вступающий в этот непрерывный временной поток раньше или позднее, представляется с соответствующим темпоральным модусом. Тогда как имманентное время сознания, когда оно является в модусе настоящего, будь то в акте внешнего или внутреннего восприятия, представляется неизменно равным, не проявляя своих временных различий. Поэтому два объекта, временно удаленные друг от друга, не могут оба быть одновременно во временном потоке внутреннего сознания. Следовательно, только один объект *есть*, соответствуя созерцанию в темпоральном модусе настоящего, а другой объект *был* или *будет*, соответствуя уже другому созерцанию в темпоральном модусе прошлого или будущего.

Среди временных различий Brentano выделяет абсолютные и относительные различия имманентного времени сознания. Так настоящее выступает в качестве абсолютного времени, а прошлое и будущее составляют относительные временные определения настоящего. Каждое из временных различий занимает в одномерном временном континууме определенную грань или границу, которые не могут быть сведены друг к другу, а как раз, наоборот, всегда удалены друг от друга. Любого объекта, на какой бы из граней временного континуума он ни находился, всегда соотносится с настоящим, как непрерывно протекающим реальным, и в этом соотношении с настоящим объект может переживаться как объект, представленный позднее или раньше.

С другой стороны, имманентное время, переживаемое в сознании в качестве временного потока, благодаря своей постоянной текучести есть не что иное, как непрерывное изменение временной определенности объекта, представленного в одном из темпоральных модусов, которое выражается в том, что то, что есть в настоящем, неизбежно станет бывшим и так далее. Более того, такое изменение временной определенности является общим для каждого из объектов, пребывающих во временном потоке, и никоим образом не обосновывает между ними никакого различия, ни видового, ни индивидуального.

То, что всякое представление сознающего субъекта подвергается временному изменению, позволяет Brentano сопоставить понятие вещи как субстанции, которое содержится во внутренне воспринимаемом объекте, и понятие временного, которое схватывается во внешнем или внутреннем созерцании временного отношения как такового. При таком сопоставлении Brentano обнаруживает идентичность понятия вещи и понятия временного. Помимо временных различий у вещи как таковой обнаруживается также ряд пространственных различий, который указы-

вает на то, что всякая вещь принадлежит пространственному континууму, протяженному в трех измерениях. Следовательно, вещь конституируется как существующая одновременно в двух континуумах, соотносенных друг с другом таким образом, что время как первичный континуум находится в основании пространственного континуума, становясь его четвертым измерением.

* * *

Учение о сознании, которое Brentano представил в своем трактате «Психология с эмпирической точки зрения», основывается на такой характерной особенности сознания как интенциональность. Интенциональность сознания, как таковая представляет собой отношение между имманентным предметом, интенционально существующим в сознании, и субъектом, переживающим его различными способами. Тем самым интенциональность сознания очерчивает тот самый психический опыт, в пределах которого осуществляется познание как одно из многочисленных проявлений деятельности внутреннего сознания.